

Вопросы философии и психологии

Книга 119.

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 101
ББК 87

Вопросы философии и психологии: Книга 119. / – М.: Книга по Требованию, 2011. – 257 с.

ISBN 978-5-458-04767-8

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04767-8

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XXIV.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

IV Книга (119).

СЕНТЯВРЬ — ОКТЯВРЬ. — 1913 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пименовская ул., соб. домъ.

1913 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Объ общественномъ идеалѣ. (Продолженіе.) П. Новгородцева	279
Философія конца. С. Котляревскаго	313
Вл. С. Соловьевъ и князь Е. Н. Трубецкой. Л. Лопатина	339

Ученіе Риккерта о сущности философіи. Б. Яковенко	427
Такъ называемый «формализмъ» въ математикѣ и его отношеніе къ теоріи знанія. Л. Габриловича	471
Антоніо Розмини. В. Эрн	514

Критика и библіографія.

1. Библіографическій листокъ.
Объявленія.

Объ общественномъ идеалѣ¹⁾.

V. Общественный идеалъ и задачи личности.

Общественный прогрессъ и личное совершенствованіе. Два крайнихъ рѣшенія вопроса: абсолютный коллективизмъ и абсолютный индивидуализмъ.— Анализъ основъ абсолютнаго коллективизма. Религія общественности въ ученіяхъ Фейербаха, Маркса, Конта. Отсутствие философскаго базиса и внутренняго противорѣчія въ абсолютномъ коллективизмѣ.— Анализъ основъ абсолютнаго индивидуализма. Сверхчеловѣческой аристократизмъ Ничше, какъ наиболѣе яркое выраженіе этой системы воззрѣній. Отрицаніе религіозной потребности и общественнаго идеала. Безвыходность абсолютнаго индивидуализма; переходъ его въ абсолютный индифферентизмъ. Положительная сторона ничшенскаго индивидуализма; связь его съ современнымъ моральнымъ кризисомъ.— Необходимость синтеза индивидуализма и коллективизма. Потребность высшаго единства.

1.

Мы опредѣлили содержаніе общественнаго идеала въ зависимости отъ принципа личности. Исходя изъ этого принципа, мы установили руководящую норму общественнаго прогресса. Такого рода построеніе уже включаетъ въ себя мысль о томъ, что общественный прогрессъ связанъ съ развитіемъ личности, а слѣдовательно и вытекаетъ изъ ея задачъ. Однако эта мысль, высказанная въ столь общей формѣ, тотчасъ же вызываетъ необходимость болѣе подробныхъ разъясненій, и сама превращается въ сложную проблему.

Положимъ, согласно предшествующему анализу, что общественный прогрессъ вытекаетъ изъ задачъ личности.

¹⁾ См. Вопросы фил. и псих., кн. 115.

Вопросы философіи, кн. 119.

Но представляет ли онъ для нея безусловную нравственную потребность? Не является ли онъ только одной изъ возможностей, которой человѣкъ можетъ и пренебречь, принявъ на себя болѣе высокой подвигъ личнаго совершенствованія? Или наоборотъ общественный прогрессъ долженъ считаться высшимъ призваніемъ личности, исчерпывающимъ дѣломъ ея жизни? Представляютъ ли собою прогрессивныя общественныя формы нравственную необходимость для личности, кореннымъ образомъ связанную съ ея внутреннимъ душевнымъ міромъ? Или же это не болѣе, какъ подробности внѣшней обстановки и внѣшняго удобства, которыя, съ точки зрѣнія личнаго совершенствованія, не имѣютъ существеннаго значенія? Таковы вопросы, которые неизбѣжно возникаютъ при постановкѣ указанной нами проблемы. Едва ли нужно разъяснять, что для общественной философіи они являются не только въ высшей степени важными, но центральными и основными.

Исторія философской мысли свидѣтельствуетъ, что эти вопросы получали самыя различныя рѣшенія. Но среди великаго разнообразія этихъ рѣшеній съ особенной рѣзкостью выступаютъ два крайнихъ и противоположныхъ направленія, которыя можно обозначить названіями абсолютнаго коллективизма и абсолютнаго индивидуализма. Если первое изъ этихъ направленій утверждаетъ, что весь смыслъ личной жизни исчерпывается общественностью, второе, напротивъ, говорить, что смыслъ личной жизни совершенно отъ общественности не зависитъ. Личность вся и до конца, во всей полнотѣ своихъ потребностей и задачъ растворяется въ общественной стихіи, — думаютъ крайніе коллективисты, — въ обществѣ и черезъ общество спасается она отъ своей слабости и ограниченности, въ немъ она имѣетъ и исходное начало, и завершающій предѣлъ своихъ стремленій. Личность довлѣетъ себѣ, — полагаютъ крайніе индивидуалисты, — общество ей не помощь и не опора, а помѣха и граница, только въ самой себѣ можетъ она найти спасеніе и выходъ изъ сознанія своего несовершенства. Очевидная

односторонность этихъ исключających другъ друга воззрѣній сама собою требуетъ примиряющей точки зрѣнія, и одно противопоставленіе ихъ наводитъ на мысль, что истинны слѣдуетъ искать не въ этихъ крайностяхъ, а въ нѣкоторомъ высшемъ объединяющемъ взглядѣ. Но прежде чѣмъ указать возможный характеръ такого объединенія, слѣдуетъ ближе выяснить сущность абсолютнаго коллективизма и абсолютнаго индивидуализма.

Высокая оцѣнка общественной жизни встрѣчается у мыслителей самыхъ различныхъ направленій, и у многихъ изъ нихъ она достигаетъ твердаго убѣжденія, что возможно осуществить такой общественный союзъ, который имѣетъ абсолютное божественное значеніе и подъ сѣнью котораго отдѣльныя лица находятъ путь къ блаженству, къ всецѣлому удовлетворенію своей души. Платонъ, Августинъ, Гегель каждый по своему мечтали о такихъ абсолютныхъ божественныхъ союзахъ. Платонъ даже и выражался о совершенномъ общеніи такимъ образомъ, что въ немъ проживаютъ „боги и дѣти боговъ“, Августинъ считалъ церковь, ведущую человѣка къ спасенію, царствомъ Божиимъ на землѣ, а Гегель называлъ государство, осуществляющее нравственную идею, земнымъ богомъ. Однако, не у этихъ философовъ надо видѣть послѣдовательное выраженіе абсолютнаго коллективизма: и Платонъ, и Августинъ, и Гегель, и всѣ, кто слѣдуетъ за ними или стоитъ близко къ нимъ, признаютъ надъ обществомъ высшее міровое начало добра, къ которому совершенное общеніе возводитъ человѣка. Совершенное общеніе является тутъ лишь отраженіемъ божественнаго плана; не своею силою, а силою высшею, силою божественною держится оно и спасаетъ человѣка. Для того, чтобы имѣть предъ собою абсолютный коллективизмъ въ его чистомъ и подлинномъ выраженіи, надо перейти къ такимъ мыслителямъ, какъ Фейербахъ, Марксъ, Контъ, у которыхъ общество само становится богомъ и само по себѣ своимъ внутреннимъ совершенствомъ спасаетъ личность. Въ этого и выше этого человѣку нечего

искать. Ему даже вредно искать чего-либо высшаго, ибо кромѣ отвлекающихъ и манящихъ миражей онъ ничего не найдетъ. Общество для человѣка не путь къ чему-то высшему, оно само есть это высшее, въ немъ весь смыслъ человѣческой жизни; это—альфа и омега всѣхъ помысловъ, стремлений и упованій личности. Говоря собственными словами одного изъ этихъ мыслителей, общество есть „богъ для человѣка“. Какъ очень характерно выражается Фейербахъ, которому принадлежатъ эти слова, „существо человѣка содержится только въ общеніи, въ единствѣ человѣка съ человѣкомъ. Одиночество есть конечность и ограниченность, общественность есть свобода и безконечность. Человѣкъ самъ по себѣ (für sich) есть только человѣкъ (въ обычномъ смыслѣ слова); человѣкъ съ человѣкомъ, единство я и ты, есть богъ“¹⁾. Изъ другихъ разсужденій Фейербаха мы ближе узнаемъ, въ какомъ смыслѣ единство людей, высшимъ выраженіемъ котораго онъ считаетъ государство, является для человѣка божественнымъ. „Государство есть совокупность всѣхъ реальностей, государство есть PROVIDENCE для человѣка. Въ государствѣ одинъ замѣняетъ другого, одинъ восполняетъ другого; чего я не могу, не знаю, можетъ другой. Я не одинъ, отданный случайностямъ естественной силы; другіе существуютъ для меня, я окруженъ всеобщимъ существомъ, являюсь членомъ цѣлаго. Истинное государство есть неограниченный, безконечный, истинный, совершенный, божественный человѣкъ. Лишь государство есть человѣкъ, самъ себя опредѣляющій, къ самому себѣ относящійся, абсолютный человѣкъ“²⁾.

У Фейербаха болѣе, чѣмъ у кого-либо другого изъ сродныхъ ему писателей, не только въ образѣ мысли, но и въ самой терминологіи сказывается связь съ религіозными по-

¹⁾ L. Feuerbachs Sämmtliche Werke Bd. II. Stuttgart 1904. Grundsätze der Philosophie der Zukunft. S. 318. См. характеристику Фейербаха у Булгакова, Два Града г. I. стр. 1. Цитируемая мною мѣста изъ Фейербаха см. у Булгакова (стр. 18—22), въ переводѣ котораго я ихъ привожу.

²⁾ Feuerbachs Sämmtliche Werke. Bd. II. Zur Reform der Philosophie. S. 220.

нтями, и потому на его примѣрѣ съ особенной яркостью обнаруживается тотъ основной мотивъ, который приводитъ къ обоготворенію общественности. Отвергнуть религіозныя представленія не значитъ еще искоренить въ себѣ и религіозную потребность; а эта потребность прежде всего заключается въ томъ, чтобы освободиться отъ сознанія слабости и ограниченности личныхъ силъ, отъ чувства собственной недостаточности и неудовлетворенности, отъ внутреннихъ противорѣчій и разлада. Поставленный въ зависимость отъ внѣшняго міра, отъ его непреклонныхъ законовъ, повергаемый въ ужасъ и отчаяніе фактами смерти и страданія, человѣкъ ищетъ восполненія своихъ личныхъ недостаточныхъ силъ. Эта потребность неискоренима, ибо она вытекаетъ изъ всей природы человѣка, какъ существа мыслящаго и чувствующаго, способнаго представить себѣ всю необъятность пространствъ, всю безконечность времени, среди которыхъ его жизнь теряется, какъ краткій мигъ. Религія отвѣчаетъ на эту потребность указаніемъ связи человѣка съ Богомъ, съ абсолютнымъ началомъ добра. Когда же это начало отвергается, инстинктивное стремленіе влечетъ къ тому, чтобы замѣнить его какой-либо иной абсолютной цѣнностью; такъ приходятъ и къ признанію божественнаго и абсолютнаго значенія общественности. Для тѣхъ, кто ищетъ философской законченности воззрѣній, здѣсь прежде всего открываются два исхода: или отвергнуть самую потребность религіознаго восполненія личности и занять гордую позу абсолютнаго индивидуализма, или же признать эту потребность и за неимѣніемъ другого высшаго начала искать восполненія въ той близкой къ намъ общественной средѣ, которая насъ воспитываетъ и охраняетъ, которая служить для насъ и источникомъ добрыхъ чувствъ, и предметомъ высокаго воодушевленія. И нѣтъ ничего удивительнаго, что въ мысли, какъ и въ жизни, общественнымъ чувствамъ и общественному служенію придается нерѣдко такое исключительное значеніе. Въ своей связи съ обществомъ, въ зависимости отъ

него и въ преданности ему человѣкъ видитъ свою естественную опору; тутъ наглядно обнаруживается то, о чемъ говоритъ Фейербахъ: „одинъ замѣняетъ другого, одинъ восполняетъ другого; чего я не могу, не знаю, можетъ другой; я не одинъ, отданный случайностямъ естественной силы; другіе существуютъ для меня“. Какъ ясная и близкая намъ часть міропорядка, общественная стихія объемлетъ и окружаетъ насъ, поддерживаетъ и утѣшаетъ, и не естественно ли сказать: вотъ то, чего мы ищемъ и для чего живемъ.

Естественность такого заключенія еще болѣе подкрѣпляется тѣмъ обстоятельствомъ, хорошо извѣстнымъ и изъ обычныхъ наблюдений, и изъ исторіи общественныхъ движеній и въ недавнее время очень тонко разобраннымъ въ одномъ изъ этюдовъ Зиммеля ¹⁾, что въ социаль-психологическихъ переживаніяхъ нерѣдко проявляется религиозный пафосъ, что и въ отношеніяхъ людей другъ къ другу обнаруживаются религиозные чувства и стимулы. „Отношеніе исполненнаго почтеніемъ ребенка къ своимъ родителямъ, проникнутаго энтузіазмомъ патріота къ своему отечеству, или восторженнаго космополита къ человѣчеству; отношеніе рабочаго къ своему пробивающемуся впередъ классу, или гордаго своей знатностью феодала къ своему сословію; отношеніе подчиненнаго къ своему господину, властному вліянію котораго онъ покоряется, или храбраго солдата къ своей арміи, всѣ эти отношенія со столь безконечно разнообразнымъ содержаніемъ могутъ, однако, съ точки зрѣнія ихъ психическаго выраженія, имѣть общій тонъ, который можно обозначить, какъ религиозный. Всѣ они содержатъ въ себѣ своеобразную смѣсь самоотверженной преданности и жажды личнаго счастья, смиренія и приподнятости, чувственной непосредственности и внѣчувственной абстракціи... При этомъ здѣсь возникаетъ опредѣленная степень напряженности чувства, специфическая искренность и проч-

¹⁾ Simmel, Die Religion. Frankfurt am Main. 1906. S. 22.